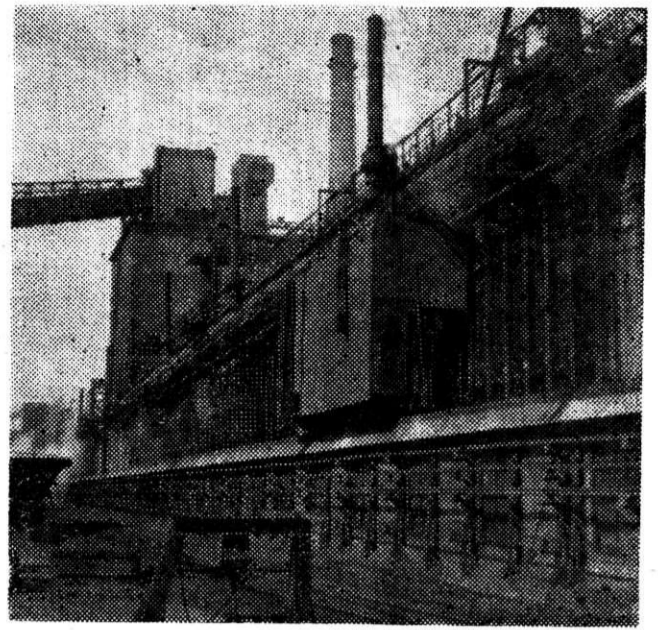

Продолжает свою работу литературное объединение «Магнит». Постоянные члены его — работники комбината Василий Скребок, Юрий Комаров, Владимир Левин, Любовь Болотова и другие. Они ведут неустанный творческий поиск, о чем вы можете судить по новой подборке стихов самодеятельных поэтов.

Коксохимический пейзаж.

Фото Н. Нестеренко.

Василий НИКОЛАЕВ Октябрь

Сегодня в алом праздничном наряде
Расцвел над миром праздник
Он в городах, он в селах,
он в садах,
на параде,
Он светит всем, как вешняя заря.
Великий праздник мира и
свободы,
Труда, борьбы и правды
горжество.
Грядут освобожденные народы
В живительном сиянии его.
И мы живем по ленинским
заветам,
Творим, дерзаем, строим города.
И смотрит удивленная планета
На наши легендарные года.

Георгий ТАРАСОВ У проходной

Как привычны вы мне,
проходные завода.
Сколько раз я шагал к вам
и в холод, и в зной.
Почему же всегда
перед этим порогом
я волнуюсь,
невольно теряю покой?
Потому ли, что здесь
моей юности ранней
нахожу я повсюду
родные следы —
у горячих печей,
у грохочущих станов,
по дорогам завода
они пролегли.
Потому ли, что здесь,
за чертою порога,
открывается в дымке
Отчизна моя?..
Здесь — заветный мой дом,
по-отечески строгий,
здесь дружина моя —
заводская семья.

Василий СКРЕБКОВ

Мир не напрасно таким был
создан.
Рушит время материи туши,
Время сжигает на небе звезды,
Время сжигает людские души.
Все отживает в мире огромном,
Только гимны поют не
бескрылым:
Вспыхнут одни звездой
нейтронной,
А вместо других — лишь черные
дыры.

Юрий КОМАРОВ

Издерганный, стремительный
и нервный
Летит, летит двадцатый грозный
век.
Над черной бездной — атомно
скверной —
О чем задумался ты, Человек?
Твой путь тернист, твой путь
пропитан кровью
От тех дремучих первобытных лет,
От топора, что клал ты в изголодь,
До начиненных атомом ракет.
А жизнь идет, как праздник,
по планете.
Покуда солнце не устанет греть,
Пока на свете существуют дети,
Она всерьез не думает про смерть.

И в рост идут все новые победы...
Но под угрозой атомной чумы
Два человека спорят в Человеке—
Один из света, а другой из тьмы.
Один зовет идти дорогой звездной,
Дорогой мира, счастья, красоты
И отойти, пока еще не поздно,
От этой страшной роковой черты.
Другой никак не хочет

соглашаться,
И на примере собственной страны
Он призывает мир вооружаться,
Детей растить для будущей войны.
И, сея свет — разумный, добрый,
вечный, —
Вселенная, дышанье гаяя,
Следит за разногласьем
человечьим,
Как завтрашний судья.

Изумрудный город

Нагулявшись по горам,
По долам, по свету,
Залетел в Магнитку к нам
Странствующий ветер.
Прокатился, словно бес.
По траве газонов:
— Что за чудо из чудес? —
Молвил изумленно.
— Здесь недавно лишь репей
Да ковыль качался,
А теперь среди степей
Чудо-град поднялся.
Краше всяческой молвы:
Статный, многолюдный,
В майском кружеве листвы
Словно изумрудный.
У деревьев он спросил:
— Знать бы мне не худо,
Кто так быстро сотворил
Этакое чудо?
Зашумели деревья,
И в зеленом гуде
Мне послышались слова:
— Люди... люди... люди...

Николай ЯКШИН

Прогулка

Никакого волшебства.
Чисто изморось повеет.
Сквозь худые рукава
Локотки берез белеют.
И машина не спунет —
Лишь шумит, как вспенит воду,
И уйдет за поворот
На шоссе сную свободу.
Блекло. Тускло. Хорошо.
Не криливо и не гулко.
Я надвину капюшон
И пойду по переулку.
И неспешно посмотрю,
Как темнеет влажный камень,
Папиросу закурю...
И не дымом, не веками,
Не судьбой, а простотой
Задохнусь. Но не заплачу,
А начну с минуты той
И болеть, и жить иначе.

По стеблю огрубелому травы,
По тополиному сухому блеску
Я догадуюсь, отчего правы
Те, кто о жизни судит
по-житейски.
Еще луна в две четверти цветет,
Еще коротки ночи перебивы,
Но все ясней: не бесконечен счет,
Причесанный, как цирковые
гривы.
А жизнь — она и проще,
и мудрей:

Ты для нее то милый, то постылый,
И сердце так усердствует перед
ней,
Что кровь тычками впихивает
в жилы.

Любовь БОЛОТОВА

Рассвет

Открыта ставня. Влажный ветер
Пахнул из моря сосняка.
В две ясные полоски света
Твоя протянута рука.
Размыты в чистом теле утра
Печаль вчерашняя, хандра...
С тобою не поступит круто
Такая добрая пора.

Борис СЕНКЕВИЧ

Воробьиная песнь

— Как плохо о любви к Отчизне
ты поешь! —
Заметил Воробью, скучая,
Соловей.
— Слова неладные, и тон не тот
берешь...
— Быть может, ты и прав.
Зато я в стужу с ней.

Станислав ПУСТОВИТ ОТРЫВОК ИЗ ПОЭМЫ, „Свадьба“

За воротами, на завалинке,
Старики дымят, скинув валенки.
Козьи ножки, цигарки крутят,
Друг над другом по-доброму
шутят.
Рады небу весеннему, чистому,
Рады жаворонку голосистому.
И текут их речи степенные
Про далекие весны военные —
На коровах пахали сутками,
Согреваясь в ночи самокрутками;
Как зерно собирали по горсточке,
Как болели с усталости горсточки,
Как с нуждой проклятою бились,
Как от пули бандитской валились.
Вспоминают друзей и товарищей,
Что не встанут с полей и
пожариц,
Не придут незримыми даями,
В круг не сядут, сверкая
медалями,
Не послушают звонкой гармошки,
Что поет про родные дорожки
К дому матери, к самой
единственной,
В сень черемухи густолиственной...
И о том их речи степенные,
Что хлеба будут нынче
отменные —
Вся земля пропиталась водами
И покрылась буйными всходами;
Что в селе школа новая строится,
А домов-то скоро утроится,
И что свадьба такая не первая,
И что вышла дорога нам —
верная.

Владимир ЛЕВИН

Мороженое в стаканчике.
Детские тонкие пальчики.
А в глазах... А в глазах осталась
Детства самая малость.
Одуванчик хотел быть похожим
на солнце.
Но что-то у него не получилось:
Сначала он стал крохотной луной,
А потом превратился
В тысячи маленьких звезд
на парашютиках.

„Его стихи, завещанные нам“

В сознании тысяч и тысяч советских людей понятия «Магнитка», «Магнитогорский» накрепко завязаны с именем поэта Бориса Александровича Ручьева. Именно ему удалось в своих стихах и поэмах передать тот накал, ту праздничность трудовых будней, которые стали неотъемлемой чертой лучших рабочих коллективов нашего города.

В равной степени Борису Александровичу удавались как песни о труде и людях труда, так и тонкая лирика глубоких личных переживаний. Он мыслил свою судьбу и творчество как неразрывное целое с судьбой Магнитогорска — символа нового, молодого, социалистического.

53 года назад, в октябре 1930 года, прибыли из Звериногловска на великую стройку два друга и соратника по перу — Борис Ручьев и Михаил Люгарин. Непросто и по-разному сложилась их жизнь. Но при всех перипетиях ее сохранилось между ними главное — истинно мужская дружба. И сейчас, когда нет с нами Б. А. Ручьева, член союза писателей СССР Михаил Михайлович Люгарин свято бережет память об этой дружбе, неся людям слово и образ своего знаменитого земляка. Нет среди живых Бориса Ручьева, но продолжают жить и бороться его стихи, доходя до самых отдаленных уголков нашей Родины. Об этом свидетельствуют письма людей, прикоснувшихся к творчеству Б. А. Ручьева и взволнованных этим прикосновением, ставшим для них открытием, откровением. Эти письма адресованы М. М. Люгарину, близкому другу поэта.

Вот строки из самых недавних писем.
Из письма Михаила Николаевича Логинова, соученика поэта:
«6 октября 1983 года в бывшей школе (там музей) был вечер воспоминаний о жизни и деятельности Бориса Александровича Ручьева. Собрались учащиеся 8—10 классов. И мы с Катей были приглашены. Читали его стихи. Я в своем выступлении рассказал о наших молодых годах, какими мы были.
...Вечер прошел хорошо. Из письма Марии Поликарповны Бояровой, учительницы из якутского села Томтор:
«Село наше маленькое, в основном якуты. Сама я тоже якутка. В годы войны

здесь работал Ваш друг Борис Ручьев. Он строил нашу трассу, работал фельдшером. Мало осталось тех, кто хорошо помнит события тех лет, но крупинка за крупинкой я накапливаю материал об оймьконском периоде жизни Ручьева.
Вы, наверное, не раз говорили с ним о Севере. Пожалуйста, поделитесь воспоминаниями, помогите мне открыть в нашем школьном музее уголок о Ручьеве.
12 апреля у меня открыт урок о Ручьеве. Я волнуюсь».

Механизатор и самодеятельный поэт из Кустанайской области Василий Григорьевич Савкин:
«Помню книжный базар, что проводился в 1962 году (в Челябинске — ред.). Мы покупали книги стихов уральских поэтов, изданные Южно-Уралским книжным издательством, а за прилавком, рядом с продавцами, стояли авторы и любезно дарили нам свои автографы.
...С той поры поэзия Бориса Ручьева — простая по стилю и глубокая по содержанию — навсегда очаровала и пленила меня. Особенно полюбились «Стихи о первой любви», «Проводы Валентины», «Девушки-подружки».

«Однажды, в мае 1965 года, увидел скромную афишу, извещающую, что вечером во Дворце железнодорожников состоится встреча с поэтом Борисом Александровичем Ручьевым.
Борис Ручьев — крепкий, круглолицый, с заметной седinou в волосах, в легком плаще, слегка припадающая на подорожку, неторопливо вошел в фойе Дворца.
А потом он читал свои стихи. В зале тишина. Чуть глуховатый голос поэта с первых же минут унес нас в далекое, но уже ставшее историей время становления индустриальной Магнитки.
Мы жили в палатке с зеленым оконцем...
Читал Борис Александрович и другие свои стихи — простые и прекрасные, отвечал на множество вопросов, заданных в записках, смущенно улыбаясь в ответ на аплодисменты восторженных слушателей.
Конечно же, я не думал тогда, что эта наша встреча будет единственной... Но осталась его книга — лучший и дорогой памятник ему. И его стихи, завещанные нам».